

УДК 81

<https://doi.org/10.25076/vpl.60.04>

Т.А. Ивушкина⁴

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России

К ВОПРОСУ О «ВЫСОКОМ» ЯЗЫКЕ: КРОСС- КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Статья рассматривает «высокий» язык в кросс-культурном и семиотическом аспекте с целью выявить универсальные и культурно-специфические особенности его проявления, что определяет новизну и актуальность исследования. Материалом послужили анкеты представителей Японии, Гонконга, Таиланда, Бразилии и Сенегала, участников IX международной конференции по языку и литературе, построенные на категории индексальности Бухольц и Холл: 1) открытое упоминание идентификационных категорий и ярлыков и 2) импликация и презумпция, касающиеся идентичности человека. Описательный, типологический и сравнительный методы анализа ответов позволили обозначить узнаваемость социальных различий во всех странах и чувствительность к ним респондентов. «Высокий» язык проявляет себя как язык, лексически и грамматически сигнализирующий о статусе высших классов общества посредством вежливых форм обращения, отдельных слов, званий и титулов, суффиксов, профессиональных и академических позиций и правильной речи.

Отмечается влияние глобализации XXI века на большинство стран и высокий статус английского языка для Гонконга, Таиланда и Японии, французского и португальского для бывших колоний Сенегала и Бразилии. А также повышение роли национальных языков, которые служат лингва франка, объединяющим страну с

---

⁴ © Ивушкина Т.А. 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

многочисленными региональными языками, как Бразилия и Сенегал. Велика роль невербальных средств в выражении статуса во всех представленных культурах. Исследование в сопоставлении с английской культурой высших классов проводится впервые, оно имеет теоретическую и практическую значимость для кросс-культурного изучения «высокого» языка и статуса.

Ключевые слова: анкетирование, участники конференции, идентичность, статус, лексические маркеры статуса, двуязычие, вербальные и невербальные средства, переключение кодов

UDC 81

<https://doi.org/10.25076/vpl.60.04>

T.A. Ivushkina

MGIMO University

ON THE QUESTION OF «HIGH» LANGUAGE: CROSS-CULTURAL APPROACH

The article examines the "high" language in a cross-cultural and semiotic aspect to identify the universal and culturally specific features of its manifestation, which determines the novelty and relevance of the research. The questionnaires from representatives of Japan, Hong Kong, Thailand, Brazil, and Senegal, participants in the IX International Conference on Language and Literature, are based on the Bucholz and Hall indexicality categories: 1) open mention of identification categories and labels, and 2) implications and presumptions concerning human identity. Descriptive, typological, and comparative methods of analyzing responses have identified the recognizability of social differences and the respondents' sensitivity to them. The "high" language manifests itself as a language that lexically and grammatically signals a high status of a speaker through polite forms of address, individual words, titles and suffixes, and correct speech. The impact of 21st-century globalization on most countries and the high status of English for Hong Kong, Thailand and partly Japan, French and Portuguese for the former colonies of Senegal and Brazil are noted. As well as the increasing role of national languages, which serve as the lingua franca for the countries with numerous regional languages such as Brazil and Senegal. The role of non-verbal means in expressing status is great in all represented

cultures. The study in comparison with the English culture of the upper classes is being conducted for the first time; it has theoretical and practical significance for the cross-cultural study of the "high" language and status.

Keywords: survey, conference participants, identity, status, lexical status markers, bilingualism, verbal and non-verbal means, code switching

Введение

Вопрос о «высоком» и «низком» стилях языка не является чем-то новым: в России он своими корнями уходит во времена М.В. Ломоносова, его теорию о трех штилях, которая была изложена в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758) к «Собранию разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежского советника Михаила Ломоносова» (1757–1759) (Ломоносов, 1952).

В своем «Предисловии» М.В. Ломоносов выделил *высокий штиль*, штиль героических поэм, од, торжественных ораторий, в которых затрагивались возвышенные темы государства, религии и героизма с использованием церковно-славянского и русского языков и не допускающих разговорные и иностранные слова; *средний штиль* – стиль драмы, сатиры, трагедии и торжественных ораторий, занимающий промежуточное положение между высоким и низким штилем и объединяющий высокую литературу с повседневной речью посредством славянизмов и русских слов, а также ограниченного количества иностранных слов; и *низкий штиль*, характерный для комедий, сказок, эпиграмм, песен и личных писем, отражающий повседневную жизнь и юмор и понятный для всех благодаря повседневному языку, разговорным словам и минимальному использованию славянизмов. Грамматика и синтаксис, писал Ломоносов, адаптируются к каждому из стилей: высокий стиль отличается сложной риторической структурой, а низкий – простотой синтаксических конструкций. Именно М.В. Ломоносов создал ту научную базу, на которой до сих пор развиваются теории стилей языка в России.

В британской культуре основу теории о стилях заложили несколько выдающихся личностей, которые сыграли роль, подобную роли М.В. Ломоносова. Это Джонатан Свифт (1667-

1745), который боролся за чистоту языка: его памфлет “A Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue” (1712) (Swift, 2001) был прямым призывом к созданию «высокого стиля», особенно в литературе и государственных делах. Это Сэмюэль Джонсон (1709-1784), создатель первого словаря английского языка “A Dictionary of the English Language” (1755) (Johnson, 1785), в котором он закрепил стилистическую дифференциацию английской лексики, зафиксировал орфографию, произношение и использование слов, а также ратовал за средний стиль – не слишком высокопарный и не вульгарный – для очерков и моральной философии. И Джордж Путтенхем (1529-1590), в более ранний период в своей работе “The Arte of English Poesie” (1589) (Puttenham, 1589), выделивший три стиля – высокий (для эпической поэзии и трагедии), средний стиль (для дидактической поэзии и истории) и низкий стиль (для пасторалей, комедии и сатиры). А в защиту простого научного стиля (среднего стиля) в своей «Истории Королевского общества» (“History of the Royal Society”) (1667) выступил Thomas Sprat (1635–1713) (Sprat, 1667).

Теория стилей имеет огромное значение и сохраняет свою актуальность сегодня, когда мы говорим о «высоком» языке, имеющем «явный престиж», и языке со «скрытым» престижем. Термины «явный» и «скрытый» престиж были введены Уильямом Лабовым еще в 1966 году в своей книге *The Social Stratification of English in New York City* (Labov, 2006): «явный престиж» ассоциируется со стандартом, литературным английским языком, официальным языком, а «скрытым престижем» наделены многочисленные диалекты, неформальный язык, которые имеют силу объединять, выражать чувство солидарности, сопричастности и непринужденности в общении, определять «своего» и видеть «чужого».

Изучение языковой ситуации в разных странах, не только и не столько в Великобритании, но на ее основе и в сравнении с ней, позволяет шире взглянуть на происходящие изменения в вопросе престижности / неprestижности языка и увидеть общие тенденции в его определении.

Принципиально важными вопросами для подобного исследования является вопрос переключения кодов (этот термин был впервые введен Эйнар Хауген в 50-х годах прошлого столетия

в своей работе *Bilingualism in the Americas: A Study and Bibliography* (1956) (Haugen, 2003) для описания смены языков в устной речи), а также вопрос об эндогенных и экзогенных процессах – выдвигании престижного, «высокого» языка из существующих в стране диалектов и вариантов или привнесение его извне. В лингвистике эти процессы активно развивал выдающийся советский языковед А.А. Реформатский, особенно в области морфологии и словообразования (Реформатский, 1996), а также В.В. Виноградов (Виноградов, 1986), и др. В Великобритании RP свидетельствует об эндогенных процессах, но при большом влиянии языков извне – норманнское завоевание в течение более трехсот лет оказывало сильное воздействие на развитие литературного языка высокого штиля, привнося в него большое количество французской лексики, а через французский язык – латинской и греческой лексики, которые являются неотъемлемой частью «высокого» стиля.

Переключение кодов служит яркой чертой социальной идентификации, средством социальной адаптации носителей языка и достижения разных целей. Этот процесс подтверждается примерами из художественной литературы, когда типичный представитель высших классов, Декстер, герой романа Дэвида Николс (David Nicholls) *One Day* (Nicholls, 2009), начав работать на телевидении для молодежной аудитории, отказывается от RP, на котором он обучался в престижном университете и говорит; чтобы завоевать популярность у своей целевой аудитории, он переключается на местный сленг или диалект.

В разговоре со своей девушкой Эммой, представительницей средних классов, они обсуждают вопрос об использовании языковой формы.

‘It’s not going to change you, is it?’

‘What?’

‘Being very, very, very, very slightly famous.’

‘I hate that word. “Famous”.’

‘Oh and what would you prefer? “Well known”.’

‘How about “notorious”? How about “annoying”?’

‘Leave it out, will ya?’

‘And you can drop that now, please?’

‘What?’

'The cockney accent. You went to Winchester College for Christ's sake.'
 'I don't do a cockney accent.'
 'When you're being Mr. TV you do. You sound like you've left your wheelk stall to go and do this 'ere fancy telly programme.'
 'You've got a Yorkshire accent!'
 'Because I'm *from* Yorkshire!
 Dexter shrugged. 'I've just got to talk like that, otherwise it alienates the audience.' (D. Nichols, p. 78)

Приведенный отрывок не только объясняет природу противоречий между разными социальными группами, вызванными культурными различиями, но и процессы, происходящие сегодня на радио и телевидении – многочисленные акценты дикторов, недопустимые еще десять-двадцать лет назад на ведущих каналах радио и телевидения, а также разрушение стереотипа о неизменяемости акцента высших классов. Отрывок из романа свидетельствует также о том, что переключение кодов характерно и для социально привилегированных слоев британского общества, и они им успешно пользуются в своих личных и профессиональных целях для достижения популярности среди социальной группы людей, говорящей на диалекте или сленге. Вспоминаются слова Дианы Бивер, лингвиста и представительницы высших классов Великобритании, у которой много лет тому назад брала интервью и задала ей вопрос об использовании французского языка в речи представителей высших классов, на который она ответила следующее: «когда мы хотим быть формальными, мы переключаемся на французский язык, а когда мы хотим быть неформальными, переходим на немецкий язык». Переключение кодов – это всегда показатель образованности и высокого статуса. Социальная дифференциация персонажей в приведенном отрывке также передается посредством лексики – прилагательного *famous* с наречием *very*, употребленным несколько раз для усиления его значения (характерно для речи высших классов Великобритании), вызвавшего раздражение у Эммы.

Литература отражает и противоположную тенденцию. Когда представитель средних классов, рассказчик романа Charles Jennings *People Like Us: A Season Among the Upper Classes* (Jennings, 1999),

страстно желая стать частью высокого привилегированного общества, подражает речи высших классов, изучает особенности произношения и лексику, получившую название U-words (Ross, 2002), (Ivushkina, 2016, 2016(a), 2016(b), 2017, 2020, 2020(a), 2023), но вскоре понимает: чтобы стать «своим» в этом закрытом обществе, надо было им родиться. Разочарование вызывает у рассказчика саркастическое и даже негативное отношение к высшему обществу, пронизывающее нарратив всего романа стилистически сниженной, пренебрежительной и даже оскорбительной лексикой. Интересным представляется следующий отрывок из этого романа:

...class observations is a process of relativities – to the extent that the class into which we put ourselves tends to shift up and down in relation to that of the people with whom we're attempting some sort of social *transaction*. Thus, when I left Oxford, I thought I was socially really rather special. I didn't go as far as to carry around a shagged teddy bear (*Brideshead Revisited* was going through one of its periodical rediscoveries), but I worked quite hard at pretending to be a posh young git. This madness persisted, on and off, for several years, until I – fleetingly – went out with a girl whose mother had been mentioned by Nancy Mitford (daughter of Lord Redesdale) in the acknowledgements for her book *The Sun King*. The moment I entered her family home, I felt like someone who'd come to read the gas meter. Introduce me to a cabbie, in other words, and I feel helplessly upper-middle, refined, establishment. Introduce me to someone with a mention in *Debrett's* and one of those *voices* and I feel like a cabbie. (Ch. Jennings, p.16-17)

Социальная транзакция – так рассказчик передает очень сложный и относительный характер статуса, зависящий от положения собеседника, по отношению к которому и происходит смещение социального положения «вверх» или «вниз», определяемое целым комплексом незаметных и очень тонких вербальных и невербальных признаков, в числе которых и голос, который невозможно «приобрести». The voice was a voice I could imitate but never get right. (Ch. Jennings, p. 35)

Методология

В основу представленного исследования легли результаты анкетирования представителей пяти культур – Японии, Таиланда, Сенегала, Бразилии и Гонконга, женского пола, в возрасте от 25 до 50 лет. Все респонденты – преподаватели университетов с высшим образованием, с разным уровнем научной квалификации, участники 9 международной конференции по языку и литературе, проходившей в Японии 15-17 июля 2025 года. Анкетирование проводилось после представления автором статьи доклада о социолингвистических особенностях речи высших классов Великобритании через призму художественной литературы XXI века и затрагивало вопросы, связанные с проявлением социальной привилегированности на разных уровнях языка – вербальных и невербальных, эксплицитных и имплицитных. Анкетирование было ограничено во времени – на него отводился 1 час 15 минут, и его целью было выявление универсальных и культурно-специфических средств выражения высокого статуса в представленных культурах. Включенные в анкетирование вопросы базировались на принципе индексальности Bucholtz and Hall, на положенных в основу изучения идентичности принципах, которые отражены авторами в работе *Identity and Interaction: A sociocultural linguistic approach* (Bucholtz & Hall, 2005). Принцип индексальности включает в себя 4 категории выражения социального статуса говорящего: 1 – открытое упоминание идентификационных категорий и ярлыков; 2 – импликации и презумпции, касающиеся собственной идентичности или позиции другого человека; 3 – выраженная оценочная или эпистемологическая ориентации в ходе текущей беседы, а также основы взаимодействия и определенные роли; 4 – лингвистические структуры и системы, идеологически связанные с определенными личностями или группами. Из-за больших языковых и культурных различий участников конференции и ограниченного времени в анкету были включены вопросы первой и второй категории, включающие в себя явные формы проявления социальной привилегированности посредством языка, и имплицитные формы выражения социальной идентичности, в том числе и невербальные. Ответы на эти вопросы и послужили материалом для анализа «высокого» языка в культурах респондентов на фоне английского языка и особенностей

проявления социальной привилегированности в британской культуре.

Результаты анкетирования позволяют сделать небольшой набросок лингвистической картины в каждой из этих стран и в сопоставлении, и ответить на вопрос: что такое язык высокого статуса, или высокого штиля, сегодня.

Результаты анкетирования

Анкетирование участников международной конференции по языку и литературе, представителей пяти стран – Японии, Таиланда, Сенегала, Бразилии и Гонконга, было построено на вопросах, опирающихся на принципы индексальности Бухольц и Холл (Bucholtz and Hall, 2005), на первую и вторую категорию, включающие эксплицитные и имплицитные формы выражения социальной характеристики.

Рассмотрим каждую из них.

1. Эксплицитные формы выражения статуса

В эту категорию анкетирования вошло несколько вопросов, а именно: *На каком языке вы говорите? В чем ярче всего проявляются социальные различия?*

Все респонденты указали языки, на которых они говорят (более двух языков), и все отметили проявление социальных различий в своих языках. Ярче всего они отмечаются в использовании кантонского языка (респондент из Гонконга), в демонстрации вежливости конкурирующих между собой женщин Японии; в позиционировании себя в Таиланде, как отличительном и имеющем сходство с Великобританией признаком. В Португалии отличительными признаками статуса является одежда и характерное словоупотребление, а в Сенегале – снобистская манера говорить по-французски, вежливый и спокойный голос, а также украшения.

На вопрос: *Как язык проявляет высокий социальный статус в вашей культуре?*

Все респонденты отметили, что язык является показателем высокого статуса. Респонденты из Таиланда и Японии подчеркнули имеющееся в выражении статуса сходство с Великобританией.

Являясь, как и Великобритания, монархическим государством, аристократическое положение в обществе Таиланда передается с помощью суффикса – *Khun*, введенного в 1932 году и

используемого по сей день для обозначения дворянства, подобно *Mr., Mrs., Ms.* в английском языке; *Than*, подобно английским *Your Excellency or Honorable* (Ваше превосходительство и достопочтенный), используется исключительно в отношении людей очень высокого статуса, а самые богатые слои общества в Таиланде обозначаются словом 'Hi-So' – высшее общество (High Society). «Наверху» социальной лестницы находятся также профессиональные и академические позиции: профессор, доктор, руководители высшего звена и высокопоставленные государственные чиновники.

В Японии сходная ситуация: индикатором высшего сословия является суффикс *-san* (*Mr., Mrs., Ms.*), а в официальной ситуации – *sama*. Но в целом иерархические отношения имеют более ситуационное выражение, они основаны на уважении к возрасту, статусу и положению. В Японии используются и разные стили в сложной системе почтительной речи кейго, формирующей основу японского этикета, в которой выделяется Respectful language – *Sonkeigo* (Почтительный язык, превозносящий вышестоящего), Humble language – *Kenjōgo* (Скромный, или самоуничижительный язык, используемый в описании своих действий и работы) и Polite language – *Teineigo* (Вежливый язык), более нейтральный и узнаваемый по окончаниям *-masu* и *-desu*. Но еще большую роль в проявлении уважения играют тонкие невербальные средства, такие как поступки и поклоны, глубина и продолжительность которых зависит от социального статуса. Следует особо подчеркнуть роль невербальных средств в передаче социального статуса в Японии.

В Великобритании, с которой сравнивают свои государства представители Таиланда и Японии, эксплицитным выражением высокого статуса являются титулы (*knightly class, titles landowners, baronets, grandee, peers, privileged classes, an earl, etc.*), часто используемые с именами собственными (*the Queen Mother, Princess Diana, Duke of Edinburgh, etc.*), а также названия элитных университетов, которые доступны далеко не для всех и которые готовят элиту британского общества (*Oxbridge, Eton, Harrow, Cambridge, etc.*). Респондент из Японии назвала Королевскую семью и членов королевской семьи, а из Таиланда отметила, что высшая прослойка общества лексически обозначается приставкой *Khun*, аналогом *Mr., Mrs.,* и *Ms.* В Сенегале существуют

привилегированные касты. Что касается университетов, то почти все респонденты отметили, что получение образования в западных университетах очень престижно, оно повышает возможности выпускника как в устройстве на работу, так и в дальнейшем профессиональном и социальном росте. Респондент из Бразилии подчеркнула, что западное образование могут себе позволить только привилегированные слои общества.

Конечно, язык высших классов Великобритании отличает словарь, который обозначается как U-words (термин, впервые введенный и употребленный Аланом Россом, Нэнси Митфорд и Ивлинг Во в книге “Noblesse Oblige” в 1956 году). Из-за больших языковых различий, представленных респондентами анкетирования, провести параллели не представлялось возможным.

Интересным был ответ представителя Гонконга, которая провела социальные и статусные различия по линии «свой» – «чужой», то есть между теми, кто чисто говорят на кантонском диалекте, и теми, кто говорят на кантонском диалекте с акцентом. Следует напомнить о единой для кантонского, шанхайского диалекта и мандарин, или путунхуа, иероглифической системе, общей для их разных произносительных норм, но непонятной друг для друга. Социальная дифференциация, согласно респонденту, проходит по линии произношения и акцента, вызывающего у «не своих» большие трудности в ассимиляции и овладении кантонским диалектом, что позволяет местным жителям называть их «чужими» и даже над ними подшучивать. Английский язык, привнесенный извне, в результате экзогенных процессов, выступает наравне с официальным как язык бизнеса, юриспруденции, образования и науки, и, конечно, как язык международного общения, наделяя и гонконгца чертами образованного и преуспевающего человека. Одновременно поднимается в статусе и мандарин, или путунхуа, как язык все более бурно развивающегося бизнеса в материковой части Китая и предоставляющий большие возможности для гонконгца. В связи со сложившейся языковой ситуацией переключение языковых кодов рассматривается как статусное проявление. В языке статус отражается титулами ‘sin saang’ (Mr.), ‘sui ze’ (Ms.) и ‘taai taai’ (Ms.), а также званиями ‘доктор’, ‘профессор’ и частицей *nei*, которая выражает почтение при обращении к старшим по возрасту и положению.

Бразилия отличается от других стран своей расовой историей. Разделяя с Португалией единый язык, она обладает и множеством региональных диалектов с разным статусом – как «высоким», так и «низким». В свои ответы респондент из Португалии отметила, что социальные различия в стране проходят между теми, «кто читают», и теми, «кто не читают», подчеркивая тем самым связь статуса с образованием. Социальный уровень бразильца определяется умением говорить на стандартном, португальском языке – правильно произносить слова, грамотно строить предложения и высказывать свои мысли, это и является основным показателем социального статуса. При многообразии диалектов в Бразилии, имеющих разный социальный статус, переключение языковых кодов и гибкость в их переключении рассматривается как определенный знак социального статуса, свидетельствующий об умении бразильца считывать контекст общения и говорить в определенном темпе в соответствии с ситуацией. В Бразилии так же, как и в английском языке, существуют обращения ‘Señor’ и ‘Señora’, соответствующие Mr., Mrs., Ms.

Сенегал отличается от упомянутых стран своей колониальной историей, что объясняет официальный статус французского языка в стране как языка власти и престижа, индекса образованности и социального статуса, а также разделения города и деревни. Национальным лингва франка, объединяющим всю страну с двадцатью местными языками, является Волоф. Привилегированное положение занимают элитные касты, которые имеют яркий невербальный язык статуса, проявляющийся в одежде и украшениях, которые они носят.

2. Вторая категория принципа индексальности включает в себя *имплицитные формы выражения статуса в культуре, как языковые, так и невербальные.*

Имплицитные формы выражения статуса связаны со знанием литературы, искусства, театра, знакомством с последними публикациями, вызывающими широкое обсуждение в своем кругу, что является отличительной характеристикой высших классов Великобритании. Литература всегда была системой кодирования статуса – она всегда проявляла уровень образования и социальный статус англичанина, его поведенческую модель. Умение тонко говорить о книгах и к месту, понимать аллюзии и демонстрировать

широкий, но избирательный вкус остается одним из признаков принадлежности к образованной и социально значимой прослойке общества. Среди представителей высших классов существует постоянный «набор» писателей и авторов, которые отражают систему ценностей и образ жизни высших классов общества и передают их последующим поколениям, таким образом ее сохраняя. Среди них: вышеназванные Алан Росс, Нэнси Митфорд и Ивлин Во, Джейн Остен и сестры Бронте, Элизабет Гаскелл и Бернارد Шоу, Вирджиния Вульф, Уильям Мейкпис Теккерей, П.Г. Вудхаус, и многие другие. Знание классической литературы всегда демонстрируется в речи представителями высших классов. Например, в романе Джулиана Феллоуз встречаем следующий эпизод:

We seemed to have gone from nought to a hundred miles an hour in less than two minutes. Damian had given the impression of a one-night stand, but, for Dagmar it was *Tristan and Isolde* (Fellowes, p.167).

Героиня романа *Past Imperfect* Дагмар сравнивается с персонажами из одного из ключевых рыцарских романов артуровского цикла о трагической истории запретной любви. Легенды о Короле Артуре и рыцарях Круглого стола всегда были обязательной литературой для образованного англичанина, своеобразным фундаментом образования. *Тристам и Изольда* входит в обязательный набор культурных знаний аристократа. Дагмар сравнивается с Изольдой: предавшись запретной любви к Дамиану, она вынуждена была согласиться выйти замуж за другого из-за своей беременности и разделить свою жизнь с нелюбимым из другого социального круга, тем самым «потеряв себя».

В анкетах респондентов не было упоминания конкретных произведений и авторов, возможно, это объясняется языковыми различиями, однако участница из Японии отметила, что для высших классов и знати Японии существуют журналы, которые позволяют им узнавать и придерживаться «другого» стиля жизни. В Таиланде также существуют HISO (high-society) журналы для элиты, и к тому же тайская аристократия читает английские книги. Это характерно и для элиты Гонконга. Социальная дифференциация в Бразилии, как уже отмечалось выше, проходит по линии: «те, кто читают» и «те,

кто не читают». А представительница Сенегала ответа на этот вопрос не дала.

На вопрос: *Передаются ли социальные различия невербальными средствами? В одежде? В говорении?*

Все респонденты дали утвердительный ответ. Невербальная составляющая социальной идентичности занимает особое место, ярко проявляясь в высоко-контекстных культурах (термин введен американским антропологом Эдвардом Холлом в 1976 году в его книге «Вне культуры», в которой он высоко-контекстные культуры, где большая часть информации передается невербально (через контекст), противопоставляет низко-контекстной культуре, где информация передается напрямую вербально (Hall, 1978). Страны Юго-Восточной Азии относятся к первой категории.

Роль невербальной составляющей была отмечена всеми участниками анкетирования: особую роль в отражение статуса играет одежда, на которую указали все участники анкетирования. Язык одежды – очень яркий индикатор статуса, он несет важную информацию о статусе, и прежде всего, одежда известных брендов. Это отметили участники из Гонконга, Таиланда и Бразилии.

В Японии статус подчеркивается формальной одеждой для церемоний, а также движениями и поклонами разной глубины, выражающими почтительность; порядком прибытия и рассадкой гостей за столом во время собраний и совещаний; подарками – все имеет значение и выступает индикатором статуса. Представительница из Бразилии подчеркнула, что одежда должна выглядеть дорого, это должна быть брендовая (при этом не указала какие конкретно) и очень дорогая одежда. А в Сенегале элиты, касты, носят украшение, дорогую одежду, причем одежду, сшитую из дорогих тканей “Vazin” с потёртостями, что придает ей дорогой вид и свидетельствует о высоком статусе его обладателей.

Высшие классы Великобритании имеют свой социально выраженный вид, который описывается как незаметная безупречность – understated perfection. Это идеал, отражающий принцип «казаться, но не выделяться» и реализуется в идеально посаженном по фигуре костюме, сшитым у известного портного из натуральных тканей (твид, тонкая шерсть, кашемир, шелк) сдержанных тонов (хаки, темно-синий, бордовый, бутылочно-зеленый, серый в диапазоне от угольного до пепельного). Ярких

тонов может быть только спортивная одежда. Одежда носится строго в соответствии с контекстом и времени суток. Вот как были одеты аристократы на скачках в Эскот.

...a morning suit is still a remarkably standardised piece of clothing, especially when there are thousands of them in one place, being worn by dukes, housebreakers and suburban dentists. I did spot a cleric in some sort of bizarre Barchester Towers frockcoat and dog collar, to vary the tone. And I also saw, in the Royal Enclosure, a tough-looking, thickset bloke with a beard and an outfit of mildly distorted Teddy-boy drapes. Otherwise, everyone had been dressed by the same monomaniacal outfitters (Moss Bros alone hired and fitted 300 morning suits on the Monday before Ascot) and the effect was a cross between Bond street, 1912, and China at the time of the cultural revolution (Ch. Jennings, p. 28).

Автором в несколько ироничной форме подчеркивается однотипность одежды, принятый стиль одежды для такого события.

Подобное описание мы находим у Чарльза Дженнингса и в следующем отрывке, где блеклость одежды одной из участниц светского события: серая бесцветная шляпка и светлое выгоревшее на солнце платье, которое когда-то было кремовым в пастельных и абрикосовых тонах от известного дизайнера мистера Фредерика Фокса, подчеркивает высокий уровень присутствующих:

She appeared to be nothing more than a great pile of fag ash: colourless hat, grey hair, pallid complexion, white gloves, and yards of pale, features dress, bleached almost white in the hot afternoon sun. She was, I later found out, wearing printed cream by Mr Frederick Fox, with pastel apricot and green, but all this was lost in the heat. (Ch. Jennings, p. 26)

Известный английский дизайнер Фредерик Фокс (1931-2013) обслуживал самых высокопоставленных особ королевского двора (он делал шляпки для Принца Чарльза и леди Дианы Спенсер, для Маргарет Тэтчер и звезд Голливуда). Имя дизайнера символизирует собой безупречный вкус и «правильное»

происхождение и указывает на высочайший уровень присутствующих на скачках особ, а также на традицию и принадлежность к элите общества.

Ярким символом английского аристократизма в одежде является твидовый пиджак, ношенный, слегка потертый как знак глубокий корней и уверенности, не нуждающейся в новизне: *tweeds and ties and headscarves* (“...they wore tweeds and ties and headscarves: the sort of clothes I’d only seen in period TV dramas”); *a tailcoat and a black top* (“He had the sort of tailcoat that looked too old to be hired, and a black top hat which he wore with a degree of frank, baronial confidence...”); *hand-tailored suits* (“...they wear manifestly hand-tailored suits, never quite fashionable, never quite unfashionable, emphasizing the traditional British pear shape of the well-bred male.”) (Jennings).

А на главном балу «Лондонского сезона» – the Queen Charlotte’s Birthday Ball (учрежденного в честь рождения королевы Шарлотты в 1870 году как благотворительное мероприятие для сбора средств для рожениц), где девушки из аристократических семей представлялись королевскому двору, был принят стиль, который воплощается в образе молодого аристократа в следующем отрывке:

There was a dark-haired boy – twenty-six, maybe – next to her. He wore *white tie and tails and smoked a long cigarette*.
(Ch. Jennings, p. 115)

Хотя королева Елизавета II отменила церемонию представления молодых девушек ко двору в 1958 году, посчитав ее устаревшей и чрезмерно эксклюзивной, Queen Charlotte’s Ball продолжает существовать как благотворительное мероприятие, организуемые разными обществами, и также как светский раут с отголосками старого ритуала.

Конечно, интересно было бы провести параллели между представленными культурами и по линии социальных мероприятий, подобных описанным выше, но это будет предметом отдельного исследования в дальнейшем.

Заключение и выводы

Анкетирование представителей Японии, Гонконга, Таиланда, Бразилии и Сенегала в сопоставлении с результатами исследования «высокого» языка в Великобритании на материале британской

художественной литературы XXI века, представленного автором статьи для сопоставительного кросс-культурного анализа, позволило отметить, прежде всего, наличие и узнаваемость социальных различий во всех странах и чувствительность к ним респондентов.

«Высокий» язык проявляет себя как язык, лексически и грамматически сигнализирующий о статусе высших классов общества посредством вежливых форм обращения, отдельных слов, званий и титулов, суффиксов, профессиональных и академических позиций и правильной речи. Высокий статус в Таиланде передается суффиксами *Khun* и *Than*, лексемами *Hi-So*, доктор, профессор; а в Японии суффиксами *-san* и *-sama*, системой речи кейго, включающей *Respectful language – Sonkeigo*, *Humble language – Kenjōgo* и *Polite language – Teineigo*. В Гонконге – это «свой», говорящий на кантонском диалекте, и «чужой», говорящий на нем с акцентом; английский язык и мандарин, переключение языковых кодов, титулы ‘*sin saang*’ (Mr.), ‘*sui ze*’ (Ms.) and ‘*taai taai*’ (Ms.), доктор, профессор, и частица *nei* в обращении к старшему поколению. В Португалии социально маркируется оппозиция «те, кто читают» – «те, кто не читают». Колониальное прошлое Сенегала сохраняет статус французского как официального языка и Волоф как лингва франка, объединяющий страну. Переключение языковых кодов является маркером высокого статуса сенегальца. Невербальная коммуникация ярко проявляет социальный статус во всех странах.

Анкетирование также отразило влияние глобализации XXI века на большинство стран, на языковую картину в целом и на привнесение нового «высокого» языка в Гонконге и Таиланде, где знание английского языка рассматривается как один из «знаков» статуса. Английский язык воспринимается языком прогресса и возможностей, он открывает для жителей стран перспективы и возможности для социального и профессионального роста. В Сенегале и Бразилии, странах с колониальной историей, «высокими» языками остаются французский и португальский языки соответственно.

С другой стороны, очевиден и обратный процесс – повышение роли национальных языков, которые служат лингва франка,

объединяющим страну с многочисленными региональными языками, как в Бразилии и Сенегале.

Анкетирование позволяет провести параллель между культурами и прийти к выводу о том, что, как бы ни различались языки, на которых говорят в разных концах света, они все имеют много общего, а именно: во всех странах существуют языковые индикаторы языка «высокого штиля» – это принятый стандарт литературного языка, имеющий «явный престиж», который исторически закрепил за собой статус языка «высокого штиля» и ассоциируется с образованными слоями общества.

Социальные различия в языке проявляются на разных уровнях: на вербальном и невербальном, эксплицитном и имплицитном уровнях, в устной и письменной формах. Исторические, экономические и культурные факторы определяют фактор престижности/ непрестижности языка.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. Пособие для вузов / Отв. Ред, Г.А. Золотова, 3-е изд. испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Ивушкина Т.А. Лексические номинации как индексы социального и образовательного статуса // Научный диалог. 2020. №6. С. 68–80.
3. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии. Волгоград: Перемена, 1997. 157 с.
4. Ивушкина Т.А. U and Non-U words в зеркале современной английской литературы // Научный диалог. 2016. № 6(54). С. 42–53.
5. Ивушкина Т.А. Posh и Smart как индексы отношения к высшим классам. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016 (а). № 9-1(63). С. 101–104.
6. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений /АН СССР. М.; Л., 1950-1983. Т. 7. Труды по филологии 1739-1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm> (дата обращения 01.12.2025)

7. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс. 1996. 536 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/reformatsky_aa/reformatsky.pdf (дата обращения 03.12.2025).
8. Bucholz M. K., Hall K. Identity and Interaction: A sociocultural linguistic approach // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7(4-5). Pp. 585-614. DOI: 10.1177/1461445605054407.
9. Jennings Ch. *People Like Us A Season Among the Upper Classes*. 1999. Abacus. 218 p.
10. Johnson S. *A Dictionary of the English Language*. 1785. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dictionaryofengl01johnuoft> (дата обращения 03.12.2025).
11. Hall E.T. *General and Theoretical: Beyond Culture* // *American Anthropologist*. Vol. 80 (2). 1978. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/264598286_General_and_Theoretical_Beyond_Culture_Edward_T_Hall (дата обращения 4.12.2025). DOI:10.1525/aa.1978.80.2.02a00330.
12. Haugen E. *Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide*, by Einar Haugen. Publication of the American Dialect Society No. 26 (November 1956), 159 pp. Obtainable from the University of Alabama Press, Drawer 7877. University, Alabama. Published online by Cambridge University Press: 11 July 2016, [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.1017/S0008413100025470> (дата обращения 05.12.2025).
13. Ivushkina T. Literature as the basis for social class studies // 5th Conference on Language, Literature & Linguistics. Annual International Conference proceedings 3L (Literature, Language and Linguistics). 2016 (b). Pp. 186–192.
14. Ivushkina T. Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels // *Russian Journal of Linguistics*. 2020 (a). V. 24. № 4. P. 816–830. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-816-830.
15. Ivushkina T. Social Implications of Borrowings: British-American Parallels Through Literature // *Acta Universitatis Sapientiae. Philologia*. 2023. № 15(3). P.1–16. DOI: 10.2478/ausp-2023-0024.

16. Ivushkina T. Words as Indices of social and cultural identity. // *International Journal of Languages, Literature and Linguistics*. 2017. Т. 3. № 3. P. 96–102.
17. Labov W. *The Social Stratification in New York City*. 2006. 2-ed. Cambridge University Press. P. 40–58.
18. Nicholls D. *One Day*. 2009. Vintage Books. 435 p.
19. Puttenham G. *The Arte of English Poesie*. 1589. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-arte-of-english-poes_puttenham-george_1589 (дата доступа 05.12.2025).
20. Ross A. S.C., Mitford N. *Noblesse oblige*. 2002. 106p.
21. Sprat T. *History of the Royal Society*. 1667. Paperback – 1 Feb. 2003. Kessinger Publishing Co. 464 p.
22. Swift J. *A Proposal for Correcting, Improving, and Ascertaining the English Tongue*. 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.public-library.uk/ebooks/93/65.pdf> (дата доступа 05.12.2025).

References

- Bucholz, M. K., & Hall, K. (2005). Identity and Interaction: A sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies*, 7(4-5), 585-614. DOI: 10.1177/1461445605054407.
- Hall, E.T. (1978). General and Theoretical: Beyond Culture. *American Anthropologist*, 80 (2). DOI:10.1525/aa.1978.80.2.02a00330
- Haugen, E. (2016). Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide. *Publication of the American Dialect Society, No. 26 (November 1956)*, 159 pp. Retrieved from: <https://doi.org/10.1017/S0008413100025470> (accessed 05.12.2025).
- Ivushkina, T. (2016b). Literature as the basis for social class studies. In *5th Conference on Language, Literature & Linguistics. Annual International Conference proceedings 3L (Literature, Language and Linguistics)*, pp. 186–192.
- Ivushkina, T. (2017). Words as Indices of social and cultural identity. *International Journal of Languages, Literature and Linguistics*, 3(3), 96–102.

- Ivushkina, T. (2020a). Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 816–830. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4- 816-830.
- Ivushkina, T. (2023). Social Implications of Borrowings: British-American Parallels Through Literature. *Acta Universitatis*, 15(3), 1-16.
- Ivushkina, T.A. (2016). U and Non-U words v zerkale sovremennoj hudozhestvennoj literatury [U and Non-U as mirrored in Modern English Literature]. *Nauchnyj dialog*, 6(54), 42–53.
- Ivushkina, T.A. (1997). *Jazyk anglijskoj aristokratii [The Language of the English Aristocracy]*. Volgograd.
- Ivushkina, T.A. (2016a). Posh i Smart kak indeksy otnoshenija k vysshim klassam [Posh and Smart as indices of attitude to the upper classes] *Philological sciences. Theory and Practice Issues*, 9-1(63), 101–104.
- Ivushkina, T.A. (2020). Leksicheskie nominacii kak indeksy socialnogo i obrazovatel'nogo statusa [Lexical nominations as indices of social and educational status] *Nauchnyj dialog*, 6, 68–80.
- Jennings, Ch. (1999). *People Like Us A Season Among the Upper Classes*. Abacus.
- Johnson, S. (1785). *A Dictionary of the English Language*. Retrieved from <https://archive.org/details/dictionaryofengl01johnuoft> (accessed 03.12.2025).
- Labov, W. (2006). *The Social Stratification in New York City*. Cambridge University Press.
- Lomonosov, M.V. (1952). Predislovie o pol'ze knig cerkovnyh v rossijskom jazyke [Foreword on the use of church books in the Russian language]. In *The Complete works*. V. 7. Works in Philology 1739-1758. USSR Academy of Science, M., L., 1950-1983. (pp. 585–592). Retrieved from <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm> (accessed 01.12.2025)
- Nicholls, D. (2009). *One Day*. Vintage Books.
- Puttenham, G. (1589). *The Arte of English Poesie*. Retrieved from https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-arte-of-english-poes_puttenham-george_1589 (accessed 05.12.2025).

- Reformatskij, A.A. (1996). *Vvedenie v jazykoznanie* [Introduction into linguistics]. Ed. V.A. Vinogradov. M.: Aspect Press. Retrieved from https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/reformatsky_aa/reformatsky.pdf (accessed 03.12.2025).
- Ross, A.S.C., & Mitford, N. (2002). *Noblesse oblige. Sapientiae. Philologia*, 15(3), 1–16. DOI: 10.2478/ausp-2023-0024.
- Sprat, T. (2003). *History of the Royal Society*. 1667. Kessinger Publishing Co.
- Swift, J. (2001). *A Proposal for Correcting, Improving, and Ascertaining the English Tongue*. Retrieved from <http://www.public-library.uk/ebooks/93/65.pdf> (accessed 05.12.2025).
- Vinogradov, V.V. (1986). *Russkij jazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. [The Russian Language. (Grammar study about word)]. Moscow.

УДК 81-2, 811.13

<https://doi.org/10.25076/vpl.60.05>

И.А.Хабарова⁵

Военный университет им. князя Александра Невского МО
РФ

ИЗМЕНЕНИЯ МЕДИАРИТОРИКИ ФРАНЦИИ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена изучению эволюции политической риторики Франции, анализируются риторические особенности выступлений следующих президентов Пятой республики: Ш. де Голля, Ф. Миттерана, Н. Саркози и Э. Макрона. Автор рассматривает феномен медиатизации, который достиг высокой отметки, поскольку политика пронизывает все общественные сферы деятельности, а активное использование медиа средств политическими деятелями позволяет мгновенно распространять

---

⁵ © Хабарова И.А. 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>